

Изъ лекцій по Догматическому богословію.

Таинство Евхаристіи.

Въ таинствѣ Крещенія и Миропомазанія подаются вѣрующему благодатные дары, возрождающіе его въ новую жизнь и утверждающіе его въ ней. Но для жизни духовной, какъ и для физической жизни, необходимо *соотвѣтственное питаніе*. Такое питаніе и даетъ вѣрующему Христосъ Спаситель въ таинствѣ Своего тѣла и крови, или въ таинствѣ *Евхаристіи*.

1. Объ *установленіи* Евхаристіи мы находимъ яснѣйшія свидѣтельства въ евангеліяхъ Маттея, Марка и Луки и у ап. Павла. Но еще *раньше фактическаго* установленія эвхаристіи Иисусъ Христосъ держалъ обстоятельную о ней бесѣду предъ учениками и народомъ послѣ чудеснаго насыщенія пяти тысячъ пятью хлѣбами. Чудесно насыщенный народъ началъ по утру искать Иисуса Христа на пустынномъ берегу и, не найдя Его тамъ, переправился на лодкахъ въ Капернаумъ; встрѣтивъ Его здѣсь, народъ спрашивалъ Его, какъ Онъ могъ оказаться тутъ, когда не было даже и лодки для переправы? Иисусъ Христосъ, не отвѣчая на этотъ вопросъ, сказалъ: „вы ищете Меня не потому, что видѣли чудеса, а потому, что ѣли хлѣбъ и насытились. Старайтесь не о пищѣ тѣнной, но о пищѣ, пребывающей въ жизнь вѣчную: такую пищу дастъ вамъ Сынъ Человѣческой, на которомъ положилъ Свою печать Отець-Богъ“. „Что же намъ дѣлать, чтобы творить *дѣло Божіе*?“ спросили Его. Иисусъ Христосъ отвѣчалъ: „вотъ дѣло Божіе, чтобы *вѣро-*

Труды Киевск. дух. Акад. Т. I. 1908 г.

вами въ Меня—въ Того, Кого Онъ послалъ“. На это сказали Ему: „какое же Ты дашь *знаменіе*, чтобы мы повѣрили Тебѣ? Отпы наши ѣли *манну* въ пустынь“... Иисусъ Христосъ отвѣчалъ: „манна—хлѣбъ не небесный: Кто питается небеснымъ хлѣбомъ, тотъ не умираетъ, а отцы ваши ѣли манну и *умерли*“. Превосходство такого хлѣба предъ манною было такъ понятно, что всѣ сказали: „Господи! подавай намъ всегда такой хлѣбъ“. Тогда Иисусъ Христосъ сказалъ: „Я Самъ, Сынъ Божій, спедшій съ неба, и *есть* тотъ хлѣбъ жизни, котораго вы просите; для того и послалъ Меня Отецъ небесный, чтобы вѣрующіе въ Меня имѣли жизнь *вѣчную* и Я воскресилъ бы ихъ въ послѣдній день“. Иудеи возроптали на Него за то, что Онъ сказалъ: „Я хлѣбъ, спедшій съ неба“. Иисусъ Христосъ сказалъ имъ: „Истинно говорю вамъ: вѣрующій въ Меня имѣетъ жизнь вѣчную. Я—хлѣбъ живой, спедшій съ неба; ядущій этотъ хлѣбъ будетъ жить во вѣкъ. Хлѣбъ-же, который Я дамъ, есть *плоть* Моя, которую Я предамъ за жизнь міра. Для васъ это непонятно, потому вы и не вѣрите моимъ словамъ. Но Я говорю и повторяю; если не будете *ѣсть плоти* Сына Человѣческаго и *пить крови* Его, не будете имѣть въ себѣ жизни. Ядущій Мою плоть и пьющій Мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную и Я воскрешу его въ послѣдній день. Ибо плоть Моя—истинная пища и кровь Моя—истинное питіе. Ядущій мою плоть и пьющій Мою кровь пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ“.—Такое ученіе показалось до того странно и неудобопріемлемо, что многіе изъ учениковъ оставили Иисуса Христа. Даже и ближайшіе, самые преданные Ему сказали: „жестоко слово сіе и кто можетъ послушати е?“ На этотъ ропотъ Иисусъ Христосъ отвѣчалъ: „Мои слова о питаніи Моею плотію и кровію соблазняютъ васъ; вы этому не вѣрите. А что же вы скажете, когда увидите Сына Человѣческаго восходящимъ туда, гдѣ Онъ былъ прежде? Развѣ это удобопонятнѣе и вѣроятнѣе? А это вы увидите. Духъ

животворить, плоть не пользуетъ нимало. Слова, которыя Я говорю, суть духъ и жизнь“ (Іоанн. VI, 11—60).

Этой бесѣды апостолы не могли, конечно, никогда забыть, и хорошо ее помнили, когда наступило время исполненія того, о чемъ было въ ней заявлено. О *фактическомъ исполненіи* этой бесѣды о хлѣбѣ животномъ рассказываютъ почти дословно евангелисты Матѳеи, Маркъ и Лука и ап. Павелъ. То было въ послѣдній день земной жизни Спасителя, на пасхальной вечери, которую Онъ совершилъ съ своими учениками. По изображенію евангелистовъ, вечеря эта совершалась обычнымъ порядкомъ, по закону. Иисусъ Христосъ, возлегши съ учениками за столъ, сказалъ имъ: „очень Я желаю ѣсть сію пасху съ вами прежде Моихъ страданій, ибо не буду ѣсть ея, пока она не будетъ совершаться въ царствіи Божіемъ“. Вкушалъ ли Онъ пасхальнаго агнца, навѣрное сказать нельзя, но отъ заключительной на ветхозавѣтной пасхальной вечери чаши съ виномъ Онъ отказался, а только благословилъ ее и передалъ ученикамъ.

По окончаніи ветхозавѣтной вечери Иисусъ Христосъ совершилъ для учениковъ вечерю *новозавѣтную*. Взявши съ трапезы хлѣбъ, Онъ благословилъ его и преломилъ и, подавая потомъ ученикамъ, сказалъ: „*пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое*“. Затѣмъ, взявъ чашу и хвалу воздавъ, подалъ имъ, сказавъ: „*пійте отъ нея вси, сія бо есть кровь Моя новаго завѣта, яже за многія изливаема во оставленіе грѣховъ*“ (Мо. XXVI, 28—24). Совершая это таинство, Иисусъ Христосъ, какъ сказано въ евангеліи, *благодарилъ* (*εὐχαριστοῦσας*), т. е. возносилъ благодареніе Богу Отцу за всѣ благодѣянія человѣческому роду; отсюда и самое таинство это у насъ называется *евхаристіей*, благодареніемъ. Какая была *молитва*, которую Спаситель произносилъ тогда, евангелисты не передаютъ. Но она сохранена церковнымъ преданіемъ, и есть та молитва, которая читается во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ литургіи. Она такъ

и называется *евхаристическою* молитвою.—Заканчивая вечерю, Спаситель сказалъ ученикамъ: „*сіе творите въ мое воспоминаніе*“.

Изъ евангелій не видно, говорилъ ли Иисусъ Христосъ, по воскресеніи Своемъ, объ этомъ таинствѣ. Евангелистъ Іоаннъ упоминаетъ вообще о бесѣдахъ воскресшаго Спасителя въ теченіе сорока дней касательно устройства церкви, въ которой основное начало есть таинство евхаристіи. По сошествіи Св. Духа на апостоловъ, мы видимъ, что въ церкви *преломленіе хлѣба*—апостольское названіе таинства евхаристіи—совершается въ Іерусалимѣ ежедневно. Когда число вѣрующіхъ умножилось и общее собраніе всѣхъ ихъ въ одномъ мѣстѣ стало неудобно, *преломляли хлѣбъ* по домамъ, т. е. въ частныхъ собраніяхъ. Расходясь изъ Іерусалима съ проповѣдью во всѣ страны и устроая здѣсь церкви, апостолы во всѣхъ этихъ церквахъ устанавливали таинство евхаристіи и сами непосредственно были совершителями его. *Какъ* они его совершали, объ этомъ въ ихъ писаніяхъ осталось немного слѣдовъ. Изъ посланій ап. Павла и нѣкоторыхъ случаевъ, записанныхъ въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, видно, что на такихъ собраніяхъ для совершенія евхаристіи происходили чтенія изъ пророковъ, изустные рассказы о дѣяніяхъ и бесѣдахъ Спасителя, цѣніе псалмовъ Давидовыхъ и импровизація вдохновенныхъ пѣвцовъ пѣсней новозавѣтнаго содержанія. Предстоятель собранія—апостоль или его преемникъ—произносилъ молитву благодаренія, благословлялъ хлѣбъ и чашу, причащался самъ и причащалъ все собраніе евхаристическаго хлѣба и чаши. Литургія заканчивалась братскою трапезой любви.

Изъ перваго вѣка мы не имѣемъ какого-либо письменнаго документа съ чиномъ литургіи. Но отъ начала втораго вѣка есть уже довольно подробное описаніе церковныхъ собраній и совершавшейся на нихъ литургіи въ первой *Апологии Іустина мученика*. „Кто, говоритъ онъ, увѣрится,

что ученіе христіанское истинно, и кто общается жить по вѣрѣ, тѣхъ мы учимъ молиться о прощеніи грѣховъ и сами съ ними молимся и постимся. Потомъ приводимъ ихъ къ водѣ, и они возрождаются въ водѣ во имя Бога Отца, и Спасителя Иисуса Христа, и Духа Святаго. Затѣмъ ведемъ ихъ въ общее собраніе братій, гдѣ совершаются наши молитвы какъ о себѣ, такъ и о новопросвѣщенныхъ, и о всѣхъ, повсюду находящихся, братіяхъ. Общее собраніе въ одномъ мѣстѣ по городамъ и селамъ бываетъ у насъ въ день солнца, въ который Иисусъ Христосъ, Спаситель нашъ, воскресъ изъ мертвыхъ. За всѣхъ братій мы молимся, чтобы всѣмъ намъ явиться добрыми исполнителями заповѣдей для полученія вѣчной жизни,—за все дары милости Божіей прославляемъ Создателя чрезъ Сына Его Иисуса Христа и Святаго Духа. *Читаются*, сколько позволяетъ время, сказанія апостоловъ или писанія пророковъ. Потомъ предстоятель *дастъ наставленіе* подражать слышанному въ словѣ Божіемъ. Затѣмъ все встаетъ и снова возсылаетъ *молитвы и благодаренія*. По окончаніи молитвъ привѣтствуемъ другъ друга лобзаніемъ. Затѣмъ предстоятелю приносится *хлѣбъ и чаша* вина съ водою. Предстоятель возсылаетъ молитвы *благодаренія*, сколько можетъ; взявъ хлѣбъ и чашу, онъ возсылаетъ именемъ Сына и Духа Святаго хвалу и славу Отцу и подробно совершаетъ *евхаристію*, чтобы по слову молитвы пища эта стала плотію и кровію Христа Спасителя. Послѣ того какъ онъ совершитъ молитвы и благодареніе, весь народъ отвѣчаетъ: *аминь!* Когда это совершится, діаконы даютъ каждому присутствующему причащеніе *евхаристіи*, а небывшимъ освященные дары посылаются чрезъ діаконъ.

Въ Сборникѣ *Постановленій Апостольскихъ*, отъ конца 3 вѣка, мы находимъ уже весьма подробное *чинно-последованіе* литургіи съ *евхаристическою* молитвою. Къ началу 4 в. въ извѣстныхъ поученіяхъ *Кирилла Иеруса-*

лимскаго встрѣчается уже *катихизическое объясненіе* литургіи, по крайней мѣрѣ—важнѣйшей ея части—евхаристической молитвы. Евхаристическая молитва, предваряемая возгласомъ: *горѣ сердца! Благодаримъ Господа!* по своему содержанію—точно та же, какая читается и нынѣ. „Освятившись пѣснями, пишетъ Кириллъ Іерусалимскій, молимъ Бога ниспослать Св. Духа на предложенное, чтобы Онъ сдѣлалъ хлѣбъ тѣломъ Христовымъ, а вино—кровію Христовою. Въ силу освященныхъ даровъ, какъ умилостивительной, безкровной жертвы, молимся о мирѣ церквей, о благосостояніи всего міра, о царѣ, воинствѣ, жертвователяхъ, и приносимъ сію жертву. Также молимся о *прежде почившихъ* святыхъ епископахъ, отцахъ и братіяхъ. Затѣмъ слѣдуетъ молитва Господня. Потомъ—„святая святымъ“, „единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ“, причастенъ „вкусите и видите“, самое причащеніе и, наконецъ, дождавшись молитвы, благодари Бога, сподобившаго тебя таинства“.

Современникъ Кирилла Іерусалимскаго, *Василій Великій*, вводя въ своемъ округѣ повсемѣстно канонъ литургіи своего имени, свидѣтельствуетъ, что, постуливъ на епископскую кафедру въ Неокесаріи, онъ нашелъ готовый канонъ литургіи, написанный рукою предмѣстника его, св. *Григорія Неокесарійскаго*, и въ своемъ канонѣ не позволилъ себѣ никакихъ отступленій отъ этой рукописи. Другой экземпляръ того же канона, нѣсколько впрочемъ равняющійся отъ литургіи Василія Великаго, принадлежитъ св. *Григорію Просвѣтителю* Арменіи. Совершенно въ томъ же составѣ и порядкѣ написана литургія Антиохійская, перенесенная *Златоустомъ* въ Константинополь и теперь обще-употребительная во всѣхъ православныхъ церквахъ.—Вообще, въ періодъ вселенскихъ соборовъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, во всѣхъ церквахъ восточныхъ и западныхъ, литургія была одна; такъ что пришедшій съ крайняго запада въ Константинополь, Арменію, Египеть, Сирію, даже не зная мѣстнаго

языка, а твердо зная только свою литургію, могъ слѣдить за ходомъ литургіи совершенно свободно. Эта всеобщность литургіи свидѣтельствуетъ и о всеобщности въ христіанской церкви таинства евхаристіи, составляющаго существенную часть литургіи.

2. Литургія представляетъ собою такое *священнодѣйствіе*, безъ котораго совершеніе евхаристіи инымъ еще какимъ-нибудь образомъ невозможно. Для совершенія литургіи необходимо, чтобы мѣсто, гдѣ она совершается, имѣло освященный законнымъ образомъ *престолъ* и *амвонъ*, освященный архіереемъ. Таинство евхаристіи совершается тогда, когда произносится *тайносовершительная* молитва: „и сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа твоего, а еже въ чаши сей честную кровь Христа Твоего, преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ“.—Веществомъ евхаристіи служить хлѣбъ и вино. Хлѣбъ долженъ быть *пшеничный* и непременно *квасный*, потому что на квасномъ хлѣбѣ совершилъ таинство Самъ Иисусъ Христосъ и совершали апостолы, какъ это видно изъ греческаго названія употреблявшагося тогда хлѣба *άρτος*, отъ *αἶρω*, поднимаю, —хлѣбъ поднявшійся, вскипшій. Вино должно быть винограднымъ и для ближайшаго сходства съ кровію *краснымъ*, съ которымъ соединяется вода, въ воспоминаніе словъ евангелія: *единъ отъ воинъ копіемъ ребра Ему прободе...*

Такова *внѣшняя сторона* евхаристіи по ученію древней церкви, неизмѣнно доселѣ сохраняемая православною церковію. Въ этомъ пунктѣ представляетъ нѣкоторыя важныя отступленія практика католической церкви.

Прежде всего по уставу католической церкви для евхаристіи употребляется *хлѣбъ прѣсный*.

Неизвѣстно въ точности, *когда именно* возникъ и распространился въ католической церкви обычай совершать евхаристію на *опрѣснокахъ*. Сами западные писатели далеко не согласны между собою въ рѣшеніи этого вопроса. Край-

не приверженцы латинства, напр. кардиналъ Гумбертъ, Бароній, Тома Аквінатъ и др., стараются доказать, что употребленіе опрѣсноковъ ведетъ свое начало отъ самого *Исуса Христа* и *апостоловъ*. Другіе, напр. іезуитъ Сирмондъ, кардиналъ Бона и др., не соглашаются съ этимъ: первый доказываетъ, что до X в. повсюду употреблялся въ Евхаристіи хлѣбъ квасный, а послѣдній, что употреблялся, по крайней мѣрѣ на западѣ, *безразлично* и квасный, и прѣсный хлѣбъ. По мнѣнію Бона, прѣсный хлѣбъ сталъ входить въ употребленіе на западѣ съ того времени, какъ *прекранился древній обычай*, по которому вѣрующіе ежедневно приносили изъ своихъ домовъ хлѣбъ для евхаристіи и ежедневно причащались: съ этого времени приготовленіе хлѣба для евхаристіи поручено было *клирикамъ*. Клирики сначала измѣнили *прежнюю величину* этого хлѣба (потому что теперь стали причащаться одни только священнослужители), а потомъ стали печь его и *прѣснымъ*, потому что это было легче и скорѣе и въ тоже время нигдѣ прямо не запрещено.

Что касается восточныхъ писателей, то всѣ они единодушно признавали въ опрѣснокѣхъ *позднѣйшее* нововведеніе латинское, имѣющее притомъ сродство съ нѣкоторыми древними ересями, такъ какъ еще въ *первыя вѣка* христіанства опрѣсноки были употребляемы въ евхаристіи *эвонитами*, а въ VII в. стали употреблять ихъ *армяне*, отдѣлившіеся отъ церкви. Но и восточные писатели *точно* не опредѣляютъ времени, *когда именно* въ латинской церкви установлено это нововведеніе. Одни относятъ его ко времени папы Григорія Великаго, другіе—ко временамъ Карла Великаго, при которомъ будто бы эготъ обычай привнесенъ былъ въ церковь *франками*, или *аріанствующими* и *аполлинарианствующими* вандалами.—Какъ бы то ни было, впрочемъ, по до времени Михаила Керуларія, т. е. до второй половины XI в., не было сильныхъ споровъ между восточною

и западную церковь изъ-за опрѣсноковъ. Одинъ только нашъ митрополитъ Леонтій *нѣсколькими годами раньше* Керуларія писалъ объ опрѣснокахъ „къ мужамъ римскимъ“, жившимъ въ нашемъ русскомъ царствѣ, и ему поэтому едва ли не первому принадлежитъ честь борьбы изъ-за этого вопроса. Но со времени *собственно Керуларія* и съ него перваго начинается на греческомъ востокѣ полемика объ опрѣснокахъ. Греки теперь прозвали латинянъ азимитами, опрѣсночниками, а латиняне грековъ—ферментатами, заквасниками, и одни у другихъ не стали причащаться евхаристіи на томъ или другомъ хлѣбѣ, но греки во Флоренціи же, въ самый день торжественнаго объявленія совершенной на соборѣ уніи, не захотѣли причащаться латинскихъ опрѣсноковъ, а папа не позволилъ грекамъ совершить литургіи на квасномъ хлѣбѣ. Споръ продолжался долго и послѣ флорентійскаго собора, хотя уже болѣе въ видѣ научнаго, безпристрастнаго изслѣдованія спорнаго вопроса.

Другое отступленіе католиковъ отъ древне-церковнаго ученія о видимой сторонѣ таинства евхаристіи касается самаго священнодѣйствія, на которомъ совершается евхаристія, т. е. литургіи,—собственно того важнѣйшаго ея *мѣста*, когда происходитъ таинство *преложенія даровъ*, или пресуществленія.

Но чинопослѣдованію литургіи Іоанна Златоуста, дѣйствіе это совершается такимъ образомъ. Когда ликъ поетъ серафимскую пѣснь, священнодѣйствующій молится (*тайно*): „Съ сими и мы блаженными силами, Владыко Человѣколюбче, вошемъ и глаголемъ: святъ еси и пресвятъ Ты и единородный твой Сынъ и Духъ твой Святый. Святъ еси и пресвятъ, и великолѣпна слава твоя, иже міръ твой тако возлюбилъ еси, якоже Сына твоего единороднаго дати, да всякъ вѣруя въ Него не погибнетъ, но имать животъ вѣчный. Иже пришедъ и все, еже о насъ, смотрѣніе исполнѣвъ, въ ночь, въ нюже предадеся, паче же Самъ себе предаше за

мірскій животъ, приѣмъ хлѣбъ во святыя своя, и пречистыя и непорочныя руки, благодаривъ и благословивъ, освятивъ, преломивъ, даде святымъ своимъ ученикомъ и апостоломъ, рекъ (*громко и указывая правую рукою на дискосъ*): пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ. *Тайно*: подобитъ и чашу по вечери, глаголя (*громко и указывая на чашу*): пійте отъ нея вси, сія есть кровь моя новаго згвѣта, яже за вы и за многія изливаемая, во оставленіе грѣховъ. *Тайно*: поминающе убо спасительскую сію заповѣдь и вся, яже о насъ бывшая—крестъ, гробъ, тридневное воскресеніе, на небеса восхожденіе, одесную сѣдѣніе, второе и славное паки пришествіе, (*громко*): твою отъ твоихъ Тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся (*тайно, когда поютъ: Тебе поемъ*): Еще же приносимъ Ти словесную сію и безкровную жертву, и просимъ, и молимъ и милися дѣемъ, ниспосли Духа твоего Святаго на ны и на предлежащія дары сія (*громко, когда діаконъ указываетъ на св. хлѣбъ и говоритъ: благослови, владыко, святой хлѣбъ*), и сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа твоего (*а когда діаконъ произноситъ: благослови, владыко, святую чашу*), а еже въ чаши сей, честную кровь Христа твоего (*и наконецъ, когда діаконъ, указывая на хлѣбъ и чашу, говоритъ: благослови, владыко, обою*), предложивъ Духомъ твоимъ Святымъ“.

Отсюда видно, что слова Спасителя: *пріимите, ядите..., пійте отъ нея вси...*, произносимыя священнодѣйствующимъ съ указаніемъ на св. дары, затѣмъ призываніе на Св. Дары Святаго Духа и самое благословеніе ихъ составляютъ одно непрерывное и неразрывное дѣйствіе и что означенныя слова Христовы воспоминаются собственно въ евхаристической молитвѣ, обращенной къ Богу. И уже по окончаніи всего этого дѣйствія, совершается таинство предложенія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христовы. „Вѣруетъ и мудрствуетъ православно-каатолическая церковь (го-

ворится въ архіерейской присягѣ) совершаются на божественной литургіи пресуществленію тѣла и крови Христовы *наи- тѣмъ и дѣйствіемъ Святаго Духа* чрезъ призываніе архіерейское или іерейское въ словесѣхъ Богу Отцу молитвенныхъ: *Сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа твоего, а еже въ чаши сей честную кровь Христа твоего, преложивъ Духомъ твоимъ Святымъ*“.

Въ католической литургіи этой молитвы не имѣется, и преложеніе св. даровъ, по ученію католическихъ богослововъ, совершается только словами Христа Спасителя: *пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое..., пійте отъ нея вси, сія бо есть кровь моя*.

Хорошо неизвѣстно, съ какого именно времени образовалась въ католической церкви такая практика. Судя потому, что молитва, которую священнослужанціи призываетъ Святаго Духа для преложенія даровъ, исключена изъ латинской литургіи *около одиннадцатаго* вѣка, можно полагать, что настоящее ученіе появилось у католиковъ *не раньше именно* этого вѣка. Въ XIV в. оно было принято *всѣмъ* уже западомъ, а въ XV в., на Флорентійскомъ соборѣ высказано было, какъ ученіе вселенской церкви, и принято было даже *нѣкожими* православными. Но тогда же оно встрѣтило энергическое обличеніе со стороны ревностныхъ защитниковъ православія, особенно Марка Ефесскаго; а митрополитъ кievскій Исидоръ, начавшій было послѣ Флорентійскаго собора вводить это ученіе у насъ на Руси и повѣдѣвавшій воздавать дарамъ поклоненіе *какъ* тѣлу и крови Спасителя во время произнесенія надъ ними словъ: *пріимите ядите..., пійте отъ нея вси...*, былъ выгнанъ изъ Россіи великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ.

И однакожь, ученіе это появилось снова въ Россіи въ XVII в. и высказывалось уже такъ *всегдашнее* вѣрованіе вселенской церкви. На югъ Россіи оно нашло свое выраженіе во многихъ книгахъ, напечатанныхъ въ Кіевѣ и въ

другихъ малороссійскихъ типографіяхъ, именно: въ *большомъ требникѣ* кіевскомъ, въ *служебникахъ* кіевскомъ и виленскомъ, въ *Зерцалѣ богословія* Кирилла Транквилліона, въ *Перлѣ многоцѣнномъ* его-же, въ обоихъ *малыхъ катихизисахъ* Петра Могилы, въ книгахъ: *Камень*, *Миръ съ Богомъ*, *Труба*, *Ключъ разумнія*, *Мечъ Мессіи*, *Дидакаліи о семи тайнахъ* и др. На сѣверѣ, во главѣ сторонниковъ этого ученія стоялъ іеромонахъ Заиконо-Спаскаго монастыря Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ Симеона Полоцкаго, затѣмъ—іеромонахъ Савва Долгій, игуменъ Иннокентій Монастырскій, окольникій Ѳеодоръ Пегловатый и др. Защитниками православнаго ученія явились ученые братья Лихуды, жившіе тогда въ Россіи. Памятникомъ полемики ихъ съ сторонниками латинскаго ученія служитъ написанный ими *Акосъ, или врачеваніе противопологаемое ядовитымъ угрызеніемъ змѣвымъ* и проч., вызвавшій противъ себя изъ противоположнаго лагеря отвѣтное сочиненіе подъ заглавіемъ: *Изъятіе сокращенное изъ неистовобреханія на св. восточную церковь въ лицѣ и имени учителей православныхъ Іоаннікія и Софронія Лихудовъ, пренеистоваго нѣкоего безыменника, плотоядца и кровопивца* и пр., въ отвѣтъ на которое Лихуды въ свою очередь написали *Показаніе истины, или отвѣтъ на неистовое бреханіе...* и *Диалогъ грека учителя къ нѣкоему іисуситу о разнствахъ сущихъ между восточною церковію и западными костеломъ*.

Между тѣмъ на западѣ Россіи, гдѣ это ученіе явилось первоначально и куда оно было занесено отъ католиковъ, оно произвело такой облазнь, что „не токмо мужи и жены, но и дѣти вездѣ другъ съ другомъ, въ сходеніяхъ, въ собесѣдованіяхъ, на ширшествахъ и гдѣ-либо случится другъ со другомъ въ яковомъ-любо мѣстѣ, временно и безвременно, начали испытословить, како пресуществляется хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову, и въ кое время и кіими сло-

веса". Это обстоятельство вставило патриарха Иоакима войти въ сношеніе съ кievскимъ митрополитомъ Гедеономъ, черниговскимъ архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ и восточными патриархами. Полученные имъ отъ Гедеона и Лазаря Барановича листы, въ которыхъ излагалось православное ученіе о спорномъ предметѣ и ученіе о немъ латинянь, а также присланное восточными патриархами собраніе свидѣтельствъ изъ апостольскаго преданія, подтверждавшихъ православное же ученіе о преложеніи даровъ, произвели то, что въ 1690 г. въ Москвѣ составился соборъ, который сторонниковъ и защитниковъ латинскаго ученія предалъ анафемѣ, а сочиненія ихъ опредѣлилъ сжечь. Преемникъ Иоакима Адрианъ, при которомъ споръ о преложеніи даровъ еще продолжался, также обращался по поводу его къ восточнымъ патриархамъ и, когда получилъ отъ нихъ соборный отвѣтъ, оправдывавшій и подтверждавшій православное ученіе, то, формулировавъ православное ученіе о преложеніи даровъ, внесъ его въ чинъ православія и въ архіерейскую присягу.—Такова судьба этого ученія у насъ на Руси. Но католики, отъ которыхъ оно занесено было къ намъ, содержатъ его *доселѣ*, какъ догматъ.

Въ этомъ случаѣ католическіе богословы ссылаются обыкновенно на *примѣръ Иисуса Христа*, Который, говоря они, на тайной вечери преложилъ хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Свою въ тотъ моментъ, когда произнесъ слова: *сіе есть тѣло мое... сіа есть кровь моя...*—Но, по идущему отъ временъ апостольскихъ преданію, хлѣбъ и вино были уже преложены въ тѣло и кровь Иисуса Христа, когда Онъ преподавалъ ихъ Своимъ ученикамъ, говоря: *примите ядите... пейте отъ нея...* Преданіе это согласно съ *евангельскими повѣствованіями* о тайной вечери. *Идущимъ же имъ*, говорится въ Евангеліи отъ Маттея, *пріемъ Иисусъ хлѣбъ и благословивъ преломи и даяше ученикомъ и рече: примите, ядите, сіе есть тѣло мое. И пріемъ*

чашу и хвалу воздавъ, даде имъ глаголя: *пійте отъ нея вси: сія бо есть кровь моя* (XXVI, 26, 27). Отсюда видно, что на тайной вечери раздаянію хлѣба и вина *предшествовала молитва* и благословеніе ихъ, а слова: *сіе есть тѣло мое... сія есть кровь моя..* произнесены Спасителемъ уже по благодареніи и благословеніи и, значитъ, по *предложеніи ихъ* въ тѣло и кровь Его. Такимъ образомъ, таинство евхаристіи на тайной вечери совершенно было *молитвою и благословеніемъ Спасителя*; слова же: *пріимите, ядите... пійте отъ нея вси..* были обращеннымъ къ апостоламъ указаніемъ, что подаются имъ истинное тѣло и истинная кровь Христовы. „Христосъ—говорится въ одной рукописи „О поклоненіи на литургіи тѣлу и крови Господни“—гласно оная словеса апостоломъ рече, къ вѣдѣнію, яко, еже подаяше имъ, не просто хлѣбъ и вино, но тѣло и кровь свою. Иначе, аще не реклъ бы Христосъ апостоламъ явственно: *сіе есть тѣло мое и: сія есть кровь моя*, ученицы бы не вѣдали, что имъ повелѣваетъ Христосъ ясти и пити, и мнѣли бы простой хлѣбъ и вино, подаемое имъ, ясти и пити. Того ради по пресуществленіи неизреченными и не слышанными бывшими глаголы подая ихъ Христосъ изъяви хлѣбъ и вино уже тѣло и кровь свою“. Мысль, что таинство евхаристіи на тайной вечери совершенно молитвою и благословеніемъ Спасителя, даетъ и ап. Павелъ, когда называетъ евхаристическую чашу *чашею благословенія* (1 Кор. X, 16), а также евангелистъ Маркъ, когда говорить, что слова: *сія есть кровь моя новаго завѣта за многи изливаема во оставленіе грѣховъ* произнесены Спасителемъ о чашѣ уже *посль того*, какъ ученики *вси пиша отъ нея* (Мар. XIV, 23—24).—Преданіе это въ древности извѣстно было и на Западѣ; такъ, испанскій пресвитеръ Ювенкъ († 336 г.), въ своей евангельской исторіи, пишетъ: „Благоговѣйно помолившись, Спаситель возгласилъ къ ученикамъ, что преподаетъ имъ тѣло Свое“.

Подтвержденія своему ученію католическіе богословы ищутъ и въ *преданіи*. Такъ, они ссылаются на *Тертуліана* и указываютъ на слѣд. мѣсто изъ его сочиненія „противъ Маркіона“: „Господь Иисусъ Христосъ, принявъ хлѣбъ и раздробивъ ученикамъ, сотворилъ его тѣломъ Своимъ, говоря: *сіе есть тѣло мое*“. Но въ этихъ словахъ Тертуліанъ не имѣетъ въ виду—*опредѣлить моментъ*, въ который предлагаются дары *на литургіи*, а выражаетъ только свою вѣру въ то, что Спаситель установилъ евхаристію въ то время, когда говорилъ своимъ ученикамъ: *сіе есть тѣло мое*, т. е. *на тайной вечери*. Относительно же момента, въ который совершается предложеніе даровъ *на литургіи*, Тертуліанъ въ томъ же самомъ сочиненіи говоритъ категорически, что „евхаристія священнодѣйствуется *благодареніемъ или молитвою*“.

Кромѣ Тертуліана католики еще ссылаются на *Приняя мѳонскаго*, на слѣд. слова его: „Если сотворенное въ чапѣ и преломляемый хлѣбъ, воспринимая въ себя *Слово Божіе*, стѣпваются въ евхаристіи плотію и кровію Христовою, отъ которыхъ питается и укрѣпляется естество нашей плоти, то какъ возможно утверждать, чтобы плоть, питающаяся плотію и кровію Христа и содѣлавшаяся членомъ Его, не была причастна дара Божія, т. е. вѣчной жизни? Какъ виноградная лоза, зарытая въ землю, въ свое время приносить плодъ,—какъ зерно пшеницы, брошенное въ землю и тамъ истлѣвшее, даетъ обильный плодъ при содѣйствіи Духа Божія, все содержащаго (а готъ и другой плодъ, по дѣйствію премудрости Божіей, обращается потомъ въ употребленіе челоуѣка и, когда приметъ въ себя *наитіе Слова Божія*, дѣлается евхаристіею, т. е. плотію и кровію Христовою): такъ и наши тѣла, питавшіяся евхаристіею, не смотря на то, что преданы будутъ землѣ и въ ней истлѣютъ, воскреснутъ въ свое время, когда Слово Божіе даруетъ имъ воскресеніе во славу Бога Отца“.—Выраженіе Приняя, что

плодь пшеницы и виноградной лозы дѣлается евхаристією, когда *принимаетъ въ себя наитіе Слова Божія* также, какъ и у Тертуліана, не указываетъ на моментъ преложенія даровъ *на литургіи*: подъ его „наитіемъ Слова Божія“ скорѣе нужно разумѣть *самого Иисуса Христа, какъ Логоса*, чѣмъ произносимыя на литургіи слова Его, сказанныя Имъ на тайной вечери.—Одною только книгою выше приводимыхъ католиками словъ, но въ томъ же самомъ сочиненіи, Иринеи говорить такимъ образомъ: „Какъ могутъ еретики признавать, что хлѣбъ, надъ которымъ совершенно *благодареніе*, есть тѣло Господа, а чаша—кровь Его, если не признають, что Онъ—Сынъ Творца міра, т. е. Слово Его, чрезъ которое дерево приноситъ плодь, и текутъ воды, и земля даетъ сначала траву, потомъ—колосъ и наконецъ въ колосѣ—пшеницу? Какъ они говорятъ и то, что плоть, питающаяся тѣломъ Господа и кровію Его, должна остаться въ истѣини и не быть причастною жизни? Пусть они или переѣнятъ свои мысли, или перестанутъ приносить безкровную жертву. Напротивъ, наши мысли сообразны съ евхаристією и евхаристія подкрѣпляетъ ихъ. Ибо мы приносимъ Богу то, что Его же, согласно признавая и исповѣдуя при этомъ общеніе плоти и духа. Какъ взятый отъ земли хлѣбъ, *послѣ призванія на него Бога*, дѣлается уже не обыкновеннымъ хлѣбомъ, а евхаристією: такъ и наши тѣла, причащающіяся евхаристіи, непричастны уже плоти, а имѣють въ себѣ залогъ безсмертія“. Сопоставляя эти слова съ словами, приводимыми католиками, мы не можемъ не видѣть, что „подъ наитіемъ Слова Божія“, чрезъ которое (въ цитатѣ католиковъ) хлѣбъ и вино дѣлаются евхаристією, Иринеи дѣйствительно разумѣетъ собственно *всемогущую силу Спасителя*, дѣйствующую въ таинствѣ евхаристіи къ нашему нетлѣнію и безсмертію.

Но всего болѣе удивительна ссылка католическихъ богослововъ на Златоуста, въ сочиненіяхъ котораго они въ

пользу своего учения указывают такое мѣсто: „священникъ говоритъ: *сiе естъ тѣло мое*. Слова эти перемѣняютъ предложенное“.—Въ цѣломъ своемъ составѣ слова эти читаются такимъ образомъ: „Христосъ и теперь предъ нами; какъ учредилъ Онъ оную трапезу (евхаристію на тайной вечери), такъ Онъ же учреждаетъ и сію (евхаристію на литургіи). Ибо не человѣкъ это дѣлаетъ, что предложенное становится тѣломъ и кровію Христовою, но Самъ сей распятый за насъ Христосъ. Священникъ, пося Его образъ, стоитъ и произноситъ слова,—дѣйствуетъ же *сила и благодать Божія*. Онъ говоритъ: *сiе естъ тѣло мое*. Слова эти перемѣняютъ предложенное. Какъ слова: *раститесь и множитесь и наполняйте землю*, однажды произнесенныя, во всякое время даютъ природѣ нашей способность къ дѣторожденію; такъ и эти слова, однажды произнесенныя, на каждой трапезѣ въ церквахъ отъ того и до сего времени и до самаго Его пришествія дѣлаютъ жертву совершенную“... Очевидно, Златоустъ въ произнесеніи словъ Спасителя на литургіи видитъ *не опредѣленіе момента* предложенія даровъ, а общій *фактъ установленія* таинства евхаристіи Спасителемъ или тождество совершаемой священникомъ евхаристіи съ евхаристіей Спасителя. Такъ уполномочиваетъ насъ разумѣть эти слова самъ Златоустъ. „Дѣйствія сего таинства (евхаристіи), говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, совершаются не человѣческою силою. Тотъ, кто совершилъ сіи дѣйствія на тайной вечери, совершаетъ ихъ и нынѣ. Мы занимаемъ мѣсто служителей, а освящаетъ и претворяетъ дары самъ Христосъ. Сія трапеза—та же самая, которую предложилъ Христосъ, и ничѣмъ не ниже той. Нельзя сказать, что ту устраиваетъ Христосъ, а эту человѣкъ, но ту и другую самъ Христосъ“. А что Златоустъ и въ мысли не имѣлъ учить о предложеніи даровъ согласно съ католиками, это видно изъ того, что всюду, гдѣ только онъ касается въ своихъ сочиненіяхъ этого предмета, онъ изла-

Труды Киевской дух. Академіи, Т. 1. 1908 г.

гаетъ такое же ученіе, какое содержитъ православная церковь, а особенно изъ того, что отъ него мы имѣемъ чинъ *послѣдованіе мизургіи*, на которой слова Спасителя, какъ мы видѣли, воспоминаются въ молитвѣ о предложеніи даровъ силою Святаго Духа.

Но самое важное отступленіе католиковъ касательно видимой стороны таинства евхаристіи заключается въ томъ, что, вопреки древнему вселенскому ученію, по которому таинство евхаристіи должно быть преподаваемо каждому приступающему къ нему подъ видомъ *хлѣба и вина*, они подъ этими видами преподаютъ его только священнослужителямъ, мірянъ же причащаютъ только *подъ видомъ хлѣба*, а младенцевъ лишаютъ и этого.

Обычай причащать подъ видомъ *только хлѣба* существовалъ у еретиковъ *третьяго* вѣка энкратитовъ, которые, подъ предлогомъ воздержанія, совсѣмъ не употребляли въ евхаристіи вина, а потомъ—у еретиковъ *четвертаго* вѣка манихеевъ, которые вино считали произведеніемъ темной силы и потому уклонялись отъ причащенія чаши. Въ *пятомъ* вѣкѣ нѣкоторые изъ православныхъ западныхъ пастырей начали причащать мірянъ подъ видомъ хлѣба, *напоеннаго виномъ*, но такое причащеніе тогда же встрѣтило обличеніе, какъ несогласное съ древнимъ обычаемъ причащать *каждаго* приступающаго къ евхаристіи и тѣмъ, и другимъ видомъ таинства *отдѣльно*. Въ *седьмомъ* вѣкѣ причащеніе однимъ видомъ хлѣба снова появилось на Западѣ, но снова же обличено было на одномъ изъ соборовъ бракарскихъ. То же самое встрѣчаемъ мы и въ *одиннадцатомъ* вѣкѣ: противъ появившагося тогда обычая причащенія мірянъ подъ видомъ *только хлѣба* соборъ клермонскій (1095 г.) постановилъ, чтобы *каждый* причащаемъ былъ отъ алтаря тѣломъ и кровію *раздѣльно*, а причащеніе мірянъ подъ видомъ даже хлѣба, напоеннаго виномъ, *строга воспретилъ*, дозволивъ такое причащеніе въ случаяхъ только

крайней необходимости, напр. въ болѣзни. Въ то же время и папа Пасхалій 2-й († 1118 г.) предписывалъ, чтобы въ причащеніи соблюдали *преданіе Господне* и отъ заповѣди Спасителя никто не отступалъ по человѣческому новому постановленію, а больныхъ причащали бы подъ виломъ вина. Тогда же и кардиналъ *Гулбертъ*, защищая постъ въ субботу и употребленіе въ евхаристіи опрѣсноковъ, свидѣтельствовалъ, что латиняне причащаютъ мірянъ *подъ обоими видами, каждыиъ отдѣльно*. Обычай причащать всѣхъ, исключая больныхъ, подъ видомъ хлѣба и вина, существовалъ на Западѣ и въ *дванадцатомъ* вѣкѣ, но въ подрывъ его сталъ входить въ употребленіе обычай причащать подъ видомъ хлѣба, напоеннаго виномъ, а потомъ и подъ видомъ одного *только* хлѣба. Этотъ послѣдній обычай втеченіе *тринадцатаго* вѣка началъ быстро распространяться по всему Западу, не смотря ни на сопротивленіе народа, не хотѣвшаго лишаться чаши, ни на обличеніе тогдашнихъ богослововъ (Ома Аквинатъ). Въ *четырнадцатомъ* вѣкѣ исторія едва уже замѣчаетъ у западныхъ причащеніе мірянъ подъ обоими видами, а въ *пятнадцатомъ* вѣкѣ соборъ констанцкій рѣшительно воспретилъ преподавать мірянамъ *чашу*, хотя и сознавалъ, что причащеніе мірянъ подъ однимъ видомъ, а священнослужителей подъ обоими есть *нововведеніе*, противное *установленію* евхаристіи Спасителемъ и *обычаю первенствующей церкви*. Подобное воспрещеніе состоялось потомъ на *базельскомъ соборѣ*, гдѣ хотя и признавалось спасительнымъ причащеніе подъ обоими видами, а богемскимъ и моравскимъ славянамъ дозволялось причащаться подъ видами опрѣснока и вина, однако причащеніе подъ *однимъ видомъ* возведено было въ законъ, съ тѣмъ, чтобы никто уже не смѣлъ ни отмѣнять, ни измѣнять его. *Триденцскій соборъ* окончательно уже утвердилъ это запрещеніе.

Что именно заставило католиковъ лишить мірянъ евхаристической чаши, нельзя сказать съ опредѣленностію. Исторія разновременнаго появленія у нихъ обычая причащенія подъ однимъ видомъ представляетъ не одинъ къ тому поводъ. Наиболѣе благовиднымъ изъ нихъ представляется неоднократное пролитіе чаши небрежнымъ и неблагоговѣйнымъ народомъ. Чтобы устранить случаи этого пролитія, на западѣ стали причащать мірянъ посредствомъ трубочекъ и камышевыхъ тросточекъ, придѣланныхъ ко дну сосуда съ дарами. Но такъ какъ и эта предосторожность не устраняла упомянутой опасности, а между тѣмъ утвердился обычай употреблять въ евхаристіи *опрѣсноки*, которые *не наполняются* кровію даже въ томъ случаѣ, когда нужно хранить св. дары для больныхъ, то католики навсегда уже лишили мірянъ евхаристической чаши.

Обычай причащать мірянъ *однимъ видомъ* хлѣба католики не утверждаютъ опредѣленно ни на одномъ мѣстѣ священнаго писанія; они говорятъ вообще, что на причащеніе всѣхъ вѣрующихъ подъ обоими видами нѣтъ *повелѣнія Спасителя* и что причащеніе подъ однимъ видомъ *не противно установленію* евхаристіи и практикѣ первенствующей церкви.

Съ этими резонами никакъ нельзя согласиться.

И прежде всего, на причащеніе всѣхъ вѣрующихъ подъ обоими видами есть *повелѣніе Спасителя*: оно дано во время самого установленія евхаристіи, когда Іисусъ Христосъ произнесъ слова: *примите ядите... пейте отъ нея вси*. То правда, что не все, что говорилъ Спаситель апостоламъ, относится ко всѣмъ *вѣрующимъ*, но иногда—къ *однимъ только апостоламъ*, напр. слова: *примите Духъ Святыи, или же отпустите грѣхи, отпустятся, а иже держите, держатся* и проч. Но справедливо и то, что, устанавливая евхаристію, Спасителя входилъ въ завѣтъ со

всѣмъ человѣческимъ родомъ: сія есть кровь моя новаго завѣта... *сія чаша новый завѣтъ моею кровію*, говоритъ Онъ. Отсюда, когда учреждалось таинство новаго завѣта, апостолы представляли собою *всѣхъ вѣрующихъ* въ Спасителя, а потому и повелѣніе Спасителя: *приміиіе ядите... ийте отъ нея вси*, обращенное тогда къ нимъ однимъ, относилось въ ихъ лицѣ *ко всѣмъ вѣрующимъ*. Такимъ образомъ, когда во исполненіе этого повелѣнія апостолы не только пріобщались благословеннаго хлѣба, но и отъ чаши *пилиа вси*, то такъ было не потому, что они одни, какъ священники, имѣли право причаститься подъ обоими видами, а потому, что они были тогда *единственными* причастниками.—Нельзя говорить также и того, какъ говорятъ католическіе богословы, будто Спаситель только *установилъ* евхаристію подъ обоими видами, но *не заповѣдалъ*, чтобы *вси* вѣрующіе въ Него причащались подъ обоими видами.. Въ Евангеліи ясно говорится: *приміиіе ядите: сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое...* *иите отъ нея вси: сія есть кровь моя новаго завѣта, яже за вы и за многи изливаема*: слова эти показываютъ, что Спаситель преподаль тѣло и кровь свою съ тѣмъ именно, *чтобы всѣ*, за кого только тѣло Его имѣло предаться, а кровь пролиться на крестѣ, были общниками этого преданія и пролітія въ таинствѣ новаго завѣта.—Нельзя наконецъ утверждать и того—какъ дѣлаютъ иногда и католики—будто всеобщую заповѣдь о причащеніи чашѣ Спаситель относилъ вообще *къ церкви*, а не къ каждому члену ея; а потому думать, что заповѣдь эта не нарушается тѣмъ, что нѣкоторые не причащаются отъ чаши, значитъ пролагать открытый путь къ тому, чтобы этимъ нѣкоторымъ воспрещено было причащеніе и отъ хлѣба и, такимъ образомъ, вовсе лишить ихъ общенія со Христомъ въ таинствѣ евхаристіи.

Съ другой стороны, причащеніе подъ однимъ видомъ *противно установленію* евхаристіи на тайной вечери. Въ

евангеліи говорится, что Спаситель, преподавъ ученикамъ тѣло свое подъ видомъ хлѣба, преподалъ *также* (ὁσαυτῶς) и чашу съ кровію, т. е. *нераздѣльно и равномѣрно* установилъ, чтобы имѣвшіе вкушать тѣло Его, подъ видомъ хлѣба, пили и *кровь* Его изъ чаши. А окончивъ причащеніе учениковъ, Спаситель сказалъ: *сіе творите въ мое воспоминаніе*, т. е. въ отношеніи къ евхаристіи апостолы должны были *слѣдовать прилѣпу Спасителя* и потому причащать всякаго не только отъ хлѣба, но и отъ чаши, какъ и Онъ причастилъ ихъ.

Наконецъ, причащеніе подъ однимъ видомъ *противно практикѣ первенствующей церкви*. Католическіе богословы, въ этомъ случаѣ, ссылаются обыкновенно на то, что восточная и западная церкви издревности совершаютъ въ извѣстные дни года литургію преждеосвященныхъ даровъ, когда будто бы евхаристія преподается подъ видомъ *одного хлѣба*. Но извѣстно, что и на этой литургіи евхаристія преподается подъ обоими видами *вмѣстѣ*, потому что въ преждеосвященныхъ дарахъ, на которыхъ эта литургія совершается, по чину православно-восточной церкви евхаристическое тѣло напоено бываетъ кровію.

Ссылаются еще католики на то, что больнымъ и умирающимъ, для напутствованія ихъ, церковь будто бы всегда преподавала евхаристію *подъ однимъ видомъ хлѣба*,—что въ первые вѣка христіанства вѣрующіе будто бы нерѣдко приносили св. дары съ собою на домъ, другіе брали ихъ съ собою въ путешествіе, а пустынники—въ пустыни, и именно—*подъ однимъ* видомъ *хлѣба*. Но церковь православная употребляла и употребляетъ для напутствованія больныхъ дары, такъ называемые *запасные*, въ которыхъ тѣло Христово бываетъ *напоено кровію*. Въ такомъ же видѣ могли получать тѣло Христово и древніе христіане и брать съ собою для приобщенія въ дома, путешествія и пустыни. Такъ

Бароній въ своихъ Анналахъ говоритъ: *habes id quoque probatum auctoritate sancti Gregorii, romani pontificis, quum ait, in navi portasse navigantes Christi Corpus et sanguinem.* Кардиналь Бона подтверждаетъ то же самое относительно *пустынниковъ* и въ частности указываетъ на примѣръ преподобной Маріи египетской, удостоившейся причаститься тѣла и крови Христовыхъ изъ рукъ преподобнаго Зосимы.

М. Ястребовъ.